

ДИСКУССИЯ

Тирания чужого ума

Андрей Александрович Кибрик

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В книге Д. Эверетта «Не спи — кругом змеи» отражена его непростая интеллектуальная эволюция, включая отказ от генеративного подхода к языку. Тем не менее в концепции Эверетта осталось много от впитанного им генеративизма, что и объясняет целый ряд его утверждений относительно уникальности языка пираха. К числу спорных тезисов, отчасти обусловленных таким генезисом взглядов Эверетта, относятся принцип непосредственности восприятия, отсутствие рекурсии, фатического общения и дизъюнкции, полисемия терминов родства. В то же время в книге Эверетта содержится ряд интересных наблюдений, которые действительно представляют пираха как весьма необычный язык и культуру. К их числу принадлежат наблюдения о неумении считать, о чувстве культурного превосходства, о теории относительности. В целом работа Эверетта способствует преодолению европоцентризма, по-прежнему характерного для многих направлений лингвистики.

Контактная информация: Андрей Александрович Кибрик, aakibrik@gmail.com; 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1, Институт языкознания РАН.

Ключевые слова: история идей, теория языка, языковое разнообразие, рекурсия, устная речь, числовая когниция

© 2018 Андрей Александрович Кибрик. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Благодарности. Исследования, лежащие в основе данной статьи, выполнены при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460. Автор благодарен М.Б. Бергельсон и О.В. Федоровой за полезные замечания по тексту статьи.

Статья поступила в редакцию 7 мая 2017 г. Принята в печать 28 февраля 2018 г.

Введение

Как явствует из книги «Не спи — кругом змеи», исследовательская биография Д. Эверетта трудна и драматична. В ходе полевой работы в Бразилии Эверетту довелось сталкиваться с ядовитыми пауками и змеями, анакондами и крокодилами. Он ярко описывает коммуникативные трудности лингвиста, работающего в культурно ином окружении: «И тело, и душа, и мысли, и чувства полевого исследователя, а особенно его восприятие самого себя, испытывают колоссальную нагрузку, и она тем больше, чем более различны между собой его родная культура и культура, которую он постигает» (Эверетт, 2016, с. 37). Однако все эти внешние обстоятельства вполне предсказуемы, и они возникают у многих, кто ставит себе задачи по исследованию «экзотических» языков в местах, где проживают их носители. Главные трудности Эверетта состояли не в этом, а в тех интеллектуальных метаморфозах, которые ему пришлось над собой произвести.

Первая из этих метаморфоз была связана с постепенным, но в конечном счете радикальным отказом от христианского фундаментализма, типичного для американских миссионеров-лингвистов. Эверетт

буквально по капле выдавливал из себя протестанта-фундаменталиста, цель которого — «убедить счастливое, всем довольное племя в том, что они — заблудшие овцы и нуждаются в Иисусе Христе, чтобы спасти душу, каждый свою» (там же, с. 288). Подытоживая эту метаморфозу, Эверетт пишет: «Я же отдал то, что не мог удержать, — свою веру, чтобы обрести то, чего уже не лишусь, — свободу от того, что Томас Джефферсон назвал „тиранией чужого ума“, то есть от следования авторитетам в ущерб собственному разумению» (с. 293). Меня заинтересовало выражение «тирания чужого ума», использованное в русском переводе, и я обратился к английскому оригиналу. Исходный фрагмент звучит так: «I have given up what I could not keep, my faith, to gain what I cannot lose, freedom from what Thomas Jefferson called ‘tyranny of the mind’ — following outside authorities rather than one’s own reason» (Everett, 2010, p. 272). Таким образом, эпитет «чужой» был для ясности добавлен переводчиком. Выяснилось, далее, что изначальное выражение Джефферсона также отличалось от цитаты Эверетта: «I have sworn upon the altar of God eternal hostility against every form of tyranny over the mind of man» (Jefferson, 1926, p. 111–112). То есть у Джефферсона речь шла не о тирании ума, а о тира-

нии над умом человека. Тем не менее вариант, который волею судеб получился в русском переводе книги Эверетта, удачно подходит для целей настоящей статьи, и поэтому именно он выбран в качестве заголовка. Как раз здесь мы и перейдем ко второй метаморфозе, которую осуществил над собой Дэниел Эверетт.

В ходе лингвистического образования, полученного Эвереттом, его способ мышления был сформирован генеративизмом — направлением, которое уже в течение многих десятилетий доминирует в лингвистике США и некоторых других стран (см. *Фундаментальные направления...*, 1997). Автор настоящей статьи отнюдь не является сторонником этого направления, предпочитая совсем иные научные приоритеты (см. статью данного автора и В. А. Плунына в вышеупомянутом сборнике). Полемика с генеративизмом совершенно не входит в задачи настоящей статьи. Достаточно лишь упомянуть, что генеративизм делает упор на универсальную грамматику, еще с 1950-х гг. предполагая, что базовые грамматические принципы всех языков в целом идентичны, поскольку являются врожденными. Неудивительно, что столкновение этой теории с данными неевропейских «экзотических» языков нередко озадачивало генеративистов.

Реакции на такое положение дел бывали разными. Чаще всего действовали по принципу: «если факты противоречат теории, тем хуже для фактов»; например, моделировались различные уровни деривации, на которых исследуемый язык уже оказывался достаточно похож на английский. Но бывало и иначе. Так, Кеннет Хэйл в свое время предложил улучшить теорию и различать конфигурационные языки и неконфигурационные, такие как австралийский язык валбири (Hale, 1983). Некоторые немногочисленные лингвисты с генеративным бэкграундом, встречаясь с неожиданными языками, проявляющими непослушание по отношению к теории, делали иной вывод — о том, что теорию спасти невозможно и под давлением фактов нужно перейти к совсем иной теории. Именно этот вывод сделал для себя Эверетт, в какой-то момент обнаружив, что генеративная теория не «налезает» на данные языка пираха(н)¹. Отказ от генеративизма был для Эверетта не менее болезненным, чем отказ от протестантского фундаментализма. Здесь надо учитывать еще и социально-психологическую обстановку. Гене-

¹ Вероятно, чуть более удачна русская репрезентация названия этого языка в виде *пирахан* (см., например, Иванов 2005; Д. Эверетт, личное обсуждение русской репрезентации). Этот вариант отражает назализацию конечного гласного в португальском названии *riḡaḡā*, которое представляет собой некий искаженный вариант самоназвания — *hiatihi* ‘прямой, нормальный’ (в свою очередь, содержащего высокий тон на конечном гласном) — (Д. Эверетт, личное сообщение; Эверетт, 2016, с. 319). Однако транслитерация названий языков с латиницы на кириллицу представляет собой запутанный вопрос, который пока совершенно не стандартизован. К тому же попытка передать средствами русской графики все особенности произнесения в языке-источнике в любом случае не может быть реализована идеально. Поэтому я считаю вполне допустимым и вариант *пираха*, в котором просто игнорируется диакритика, а число букв совпадает с португальским и английским наименованиями. В данной статье я использую именно этот вариант — вслед за выбором, который был сделан переводчиком книги. Следует также отметить, что это название обычно произносится с ударением на последнем слоге. Название применяется для обозначения не только языка, но и говорящего на нем племени.

ративизм представляет собой могущественную группировку в американской лингвистике, и диссидентство в ней отнюдь не поощряется. Бывшие коллеги по генеративному лагерю обрушились на Эверетта с яростной критикой, накал которой напоминает аналогичное неприятие со стороны коллег-миссионеров. Стойкость Эверетта по отношению к этой критике невольно вызывает уважение. В нем есть что-то от Прометея, который, как формулирует Большая советская энциклопедия, «бросает смелый вызов Зевсу и готов, невзирая на страшные муки, отстаивать свою правоту» (Ярхо, 2012, с. 76).

Представляется, однако, что Эверетт недовыдавил из себя генеративиста. В его представлениях о человеческом языке осталось слишком много от этой парадигмы, в которой изначально было сформировано его мышление. Я постараюсь показать, что от этой «тирании чужого ума» и происходят многие проблемы, с которыми Эверетт столкнулся при описании пираха, а также и многие сенсационные новости, которые он сообщил об этом языке лингвистическому сообществу.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. В первой части статьи я рассмотрю несколько тезисов Эверетта относительно пираха, которые не кажутся достаточно убедительными. Во второй же части я перейду к некоторым другим его находкам, которые выглядят интересно. В ходе этого анализа я буду иногда обращаться к материалу знакомых мне атабаскских языков, так же как и пираха распространенных в Новом Свете, хотя и совсем в другой его части — на северо-западе Северной Америки.

Не вполне убедительные тезисы

Принцип непосредственности восприятия

В качестве основополагающей характеристики языка пираха Д. Эверетт выдвигает принцип непосредственности восприятия (или опыта), согласно которому «повествовательные предложения языка пираха содержат только утверждения, непосредственно связанные с моментом речи, о фактах, либо пережитых самим говорящим, либо засвидетельствованных кем-либо, кого говорящий застал в живых» (Эверетт, 2016, с. 143). Меня немного удивило, что Эверетт не ссылается при этом на Чарльза Хоккетта, который в свое время ввел широко известный термин *displacement*² — перемещаемость, обозначающий как раз то же самое явление. Согласно Хоккетту, «языковые сигналы часто являются *перемещаемыми*: мы говорим о вещах, которых нет вокруг нас» (Hockett, 1960, p. 354–355). Хоккетт рассматривал это свойство человеческого языка как универсальное и включил его в число важнейших характеристик языка (Hockett, 1960, p. 579).

Целый ряд фактов, которые сам Эверетт упоминает в разных местах книги, заставляет усомниться в том, что индейцы пираха неспособны думать или говорить о вещах, находящихся за пределами «здесь и сейчас». Так, на с. 32 говорится о том, что женщины строили планы на день — иными словами, представляли себе

² Само это слово появляется в книге Эверетта на с. 222, но в ином, генеративном, смысле.

ситуации, которые еще не реализовались. На с. 77–84 рассказывается драматический эпизод, в котором группа индейцев при подстрекательстве речного торговца задумали убить Эверетта и вынашивали это намерение в подробностях в течение некоторого времени. Опять же, для этого они должны были нарисовать, в том числе вербально, картинку будущего убийства и его последствий. Наконец, на с. 148 излагается такой случай: «Несколько индейцев, которые сидели и пили со мной кофе, спросили: „Эй, Дэн, а американцы умирают?“». Очевидно, для того, чтобы задать такой вопрос, необходимо представить себе какой-то незнакомый мир, где живут люди другого типа, а также предположить, что в этом другом мире могут действовать иные биологические законы.

Вероятно, наблюдение Эверетта о том, что ментальная и вербальная практика пираха обычно не выходит за пределы «здесь и сейчас», основано на реальности. Но формулировка этого наблюдения в жестких черно-белых терминах, как если бы перемещения в мышлении и языке пираха вообще не существовало, представляет собой явное преувеличение. Можно предположить, что индейцам пираха трудно рисовать отвлеченные ситуации по желанию исследователя. И подобная трудность с «перемещаемостью по указке» встречается при полевой работе и в других местах земного шара. Так, в докладе Ю. В. Мазуровой (2016) сообщалось, что информанты по языку химачальский пахари (север Индии) в ответ на просьбу перевести абстрактное предложение «Мы работаем в полях» начали говорить о своих полях, соседях и т. д.

Отсутствие рекурсивных структур в синтаксисе

В работах генеративистов так называемая рекурсия не раз выдвигалась как фундаментальное свойство человеческого языка. Рекурсия — это «явление, в соответствии с которым составляющая предложения доминирует над другим вхождением той же синтаксической категории» (Trask, 1993, p. 229). Один из основных тезисов книги Эверетта состоит в следующем: в пираха нет рекурсии, а следовательно генеративная теория неверна. На это можно ответить две вещи. Во-первых, как показывает материал самого Эверетта, в пираха есть структуры, которые можно считать рекурсивными. Во-вторых, неверно, что рекурсия является определяющей и эксклюзивной чертой синтаксиса, и выяснить это можно без обращения к данным пираха. Ниже я разовью оба эти утверждения.

В примерах текстов, которые приводит Эверетт, встречаются случаи цитации, например на с. 106: «Оии сказал: Описи здесь нет». Здесь цитируемая клауза вставлена в матричную клаузу, а это и есть типичный случай рекурсии.

На с. 257 Эверетт говорит о том, что в пираха нет сочинения предложений (точнее, клауз). Я затрудняюсь проинтерпретировать этот тезис, так как в устной речи отличить сочиненные клаузы от соположенных клауз, как правило, бывает нелегко или невозможно; во всяком случае, для этого надо применять специальную просодически ориентированную методику, чего Эверетт не делает. Но важнее другое. Если даже сложносочиненное предложение считается рекурсивной

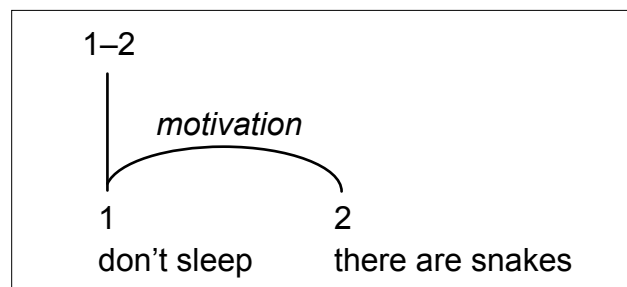

Рисунок 1. Представление двуклаузного заголовка книги в терминах Теории риторической структуры

структурой, то тем более такой структурой должна считаться полипредикативная конструкция с обстоятельственной связью между клаузами. Забавным образом, само название книги Эверетта «Don't sleep, there are snakes» является хорошим примером. Автор указывает, что индейцы пираха часто произносят это предложение (с. 18). Как правильно отметил А. Никулин в своем послесловии к книге, «отношение подчинения можно выделять не только на синтаксическом уровне, но и на более высоких уровнях, например на уровне глобальной структуры дискурса» (Никулин, 2016, с. 334), и это отношение можно описать в терминах Теории риторической структуры (Mann, Thompson, 1988). Если представить заголовок книги в виде графа, как это принято в данной теории, то мы получим такое представление, как на рисунке 1.

Таким образом, рекурсивные структуры в пираха не только существуют, но и используются в частотных оборотах речи. Между прочим, интересно задаться вопросом о том, что означает запятая в заголовке книги. И что означают различные пунктуационные знаки в текстовых примерах, приводимых на протяжении книги. Разумеется, пираха является бесписьменным языком, бытующим только в устной форме, и репрезентация его на письме представляет собой нетривиальную задачу, которую должен поставить перед собой исследователь любого такого языка (Jung, Himmelmann, 2011). По-видимому, пунктуационные знаки у Эверетта — некоторое косвенное отражение просодии (несегментной фонетики), но отражение это несистемное и интуитивное. Эверетт, подобно многим теоретикам-генеративистам, не отдает себе отчета в том, что устный и письменный модусы языка — это сильно различающиеся системы и что переносить представления о втором на первый некорректно. Даже само понятие «предложение», которое Эверетт постоянно использует, для устной речи может быть определено осмысленно лишь на основе просодических критериев (Кибрик, 2008).

Согласно Эверетту, в пираха не встречаются определительные придаточные. Но проблема в том, что они вообще редко встречаются в устной речи. Предложение типа *Человек, который поймал рыбу, находится в доме* (Эверетт, 2016, с. 245) всегда можно перифразировать как простую конкатенацию клауз: *Человек поймал рыбу. Сейчас он находится в доме*. В свое время я проводил исследование младописьменного языка навахо (атабаскская семья), на материале которого было много работ по структуре определительных придаточных. Я сравнил устные и письменные рассказы одного

и того же рассказчика и обнаружил, что в устном варианте этот синтаксический прием использовался в три с половиной раза реже (Кибрик, 2009). При этом надо учесть, что грамотный носитель навахо, с которым я работал, мог проявлять синтаксическую интерференцию со стороны английского языка, так что в более чистой ситуации использование определительных придаточных, возможно, было бы еще реже. Пираха не владеют никаким языком, кроме своего родного, поэтому в их случае такая интерференция маловероятна. Нельзя исключить, что в случае превращения пираха в письменный язык и распространения двуязычия они могли бы использовать какие-то ресурсы своего языка для выработки конструкции, сравнимой с определительным придаточным.

Эверетт также говорит об отсутствии рекурсии и в более простых конструкциях — в посессивных именных группах. Точнее, простая рекурсия (конструкция типа *кончик хвоста*) бывает, а проблемы возникают с трехчленными конструкциями — пираха не могут сказать *собаки хвоста кончик плохой* (Эверетт, 2016, с. 255). Но такие конструкции в три и более этажей вообще нетипичны. Неслучайно в шуточных имитациях военного способа говорить используются именно такие конструкции, непереносимые для обычного человека: *кнопка ручки крышки люка башни танка*. Скорее всего, такие многэтажные подчинительные конструкции нарушают не синтаксические принципы, а принципы когнитивной обработки в реальном времени. У. Чейф сформулировал ограничение одного нового понятия (*one new idea constraint*), согласно которому в одном кванте устной речи обычно не бывает более одного элемента новой (ранее не активированной) информации (Chafe, 1994). Фразы типа *собаки хвоста кончик плохой* нарушают это ограничение, поэтому пираха, не привычные к экспериментальным ситуациям и насилию над обычным узусом, и не признают такие фразы приемлемыми. Грамматические правила тут вообще ни при чем. То же касается и попыток Эверетта использовать более одного определения к существительному (с. 252). У. Чейф давно показал, что даже единичные атрибутивные прилагательные в четыре раза реже встречаются в английском устном дискурсе, нежели в письменном (Chafe, 1982), а два определения представляют собой уже крайнюю экзотику; см. также сборник «Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка» (Сиротина и др., 2003) об аналогичных явлениях в русском языке.

В целом многое из того, что Эверетт принимает за синтаксические ограничения, на самом деле является результатом когнитивных ограничений на употребление в устном дискурсе. С другой стороны, зачастую то, что он рассматривает как позитивные характеристики синтаксиса, также оказывается следствием более общих свойств дискурса и мышления. Временами кажется, что Эверетт довольно близко подходит к пониманию того, что в пираха рекурсия широко распространена в дискурсивных структурах (ср. Эверетт, 2016, с. 249). Одни и те же типы семантических отношений встречаются между дискурсивными единицами самого разного объема (этот факт хорошо описыва-

ется в терминах упомянутой выше Теории риторической структуры). Фактически многие синтаксические структуры могут рассматриваться как частный случай дискурсивных структур. В устной речи рекурсия проявляется слабо как раз в синтаксисе, который предстает в виде слабооформленных связей между клаузами. В этом смысле синтаксис устной речи сильно отличается от синтаксиса подготовленного письменного текста (ср. Дронов, 2016, с. 323; статья С. А. Бурлак в настоящем выпуске журнала). Далее, рекурсия характерна не только для языка, но и для невербального человеческого мышления — ср. пример Эверетта из Г. Саймона на с. 251 – 252, в котором речь идет о процедуре сборки часов. Более того, рекурсивные структуры есть в природе (фрактальные явления, такие как лист папоротника), так что выдвигать рекурсию как эксклюзивное человеческое свойство вообще странно.

К сожалению, в вопросе о рекурсии Эверетт во многом остался в плену генеративных представлений. Дефолтные ожидания о том, каким должен быть человеческий язык, были сформированы его образованием. Если таких ожиданий не иметь, то факты языка пираха перестают быть столь сенсационными.

Понятие рекурсии полезно как эмпирическое наблюдение, но не имеет никакого определяющего значения для языка и тем более для грамматики. Относительная редкость рекурсивных структур в синтаксисе пираха является следствием устного и нестандартизированного характера этого языка.

Отсутствие фатического общения

Согласно Эверетту, у индейцев пираха отсутствует «фатическая коммуникация», то есть общение с целью поддержать социальные и межличностные связи, выразить уважение к собеседнику <...>. Выражения вроде «здравствуйте», «до свидания», «как дела?», «извините», «пожалуйста», «спасибо» (Эверетт, 2016, с. 31). Вероятно, этот вывод основан на меньшей частотности подобных случаев в коммуникативной практике пираха, однако в книге есть немало примеров, показывающих, что само это явление на самом деле имеет место.

Так, пытаясь предотвратить агрессивные намерения индейцев, автор, явно уже хорошо освоивший их язык, вошел к ним в дом, «старательно проговаривая <...> на языке пираха: „Привет, друзья, как поживаете?“ (там же, с. 79). В завершении того же эпизода с попыткой убить Эверетта: «К вечеру, проспавшись, мужчины племени пришли к нам извиниться» (с. 82). Позже автор решил обсудить произошедшие события с одним из индейцев: «Эй, скажи собакам не лаять на меня! — прокричал я ему, как принято у пираха, когда приходишь в гости» (там же). Наконец, заголовок книги опять же является иллюстрацией фатического общения:

«Уходя из моей хижины к себе спать, индейцы пираха прощаются со мной по-разному. Иногда они просто говорят: „Ну, я пошел“. Но часто они произносят другую фразу, которая сначала казалась мне странной, но со временем стала одной из самых любимых. Они говорят: „Не спи — кругом змеи!“» (Эверетт, 2016, с. 18).

Семантическое расширение терминов родства

Эверетт обнаружил в языке пираха всего лишь пять терминов родства — один для всех старших родственников, один для людей своего поколения и три для младших (среди них есть два термина, различающих пол ребенка). Как справедливо отмечает Эверетт (с. 101), эта система очень простая и является одной из минимальных. Это очевидно на фоне типологических работ о существующих в языках системах терминов родства (см. например, Jonsson, 2001). Помимо количественных характеристик этой системы, Эверетт отмечает также широкую полисемию терминов родства. Особенно удивил его следующий термин: «*baixi* — отец, мать, дед или бабушка, или даже просто кто-то, кому вы хотите выказать почтение в момент речи или вообще» (Эверетт, 2016, с. 101). В принципе, в таком расширении терминов родства нет ничего особенно необычного. Так, почтительные употребления терминов родства характерны для многих языков Юго-восточной Азии (например, вьетнамского, см. Daley, 1998). Да и в русском языке слова типа *отец* или *бабуля* часто используются в непрямых контекстах, когда говорящий стремится выразить уважение к адресату. Таким образом, система пираха действительно экстремальна в своем минимализме, однако пограничная семантика терминов родства — довольно обычное явление.

Отсутствие дизъюнкции

Эверетт отметил отсутствие в пираха вербальных средств, выражающих идею дизъюнкции. Он связал это наблюдение с более общими особенностями, усматриваемыми им в языке и культуре пираха: «Ограничение, налагаемое принципом непосредственности опыта на рекурсию, позволяет предсказать отсутствие дизъюнкции» (Эверетт, 2016, с. 257). Не комментируя эту логическую связку, отмечу, что отсутствие дизъюнкции в принципе можно объяснить значительно проще.

В 2001 году я собирал сведения для статьи о верхнекускоквимском языке, которая предназначалась в сборник по типологии сочинения (Kibrik, 2004). Я достаточно быстро разобрался со средствами выражения конъюнкции, но испытал большие трудности при выяснении того, как в этом языке можно выразить идею дизъюнкции. Мне не удалось найти примеров в имеющихся собранных текстах. (Кроме одного случая, где носитель употребил дизъюнктивный союз *o*, который представляет собой переключение кода на английский — это просто англ. *or* 'или'.) Я обратился к методу элицитации, то есть квазиэкспериментального перевода с языка-посредника на изучаемый язык. Когда я в очередной раз мучил информанта вопросами типа: «А как по-вашему сказать „Ты хочешь чаю или кофе?“», мой замечательный информант Уилли Петруска изрек: «They did not offer us choice in the old days» 'В старину выбора нам не предлагали'. Это не просто комический эпизод, в ответе Уилли содержится глубокий смысл. Когда объективные внешние обстоятельства жизни не провоцируют частотного выбора между возможными опциями или альтернативами (что и составляет прагматическую основу дизъюнкции, ср. Zimmermann, 2000), то соответствующее значение не рутинизируется в языке, а единицы типа

дизъюнктивного союза могут и не существовать в лексиконе носителей.

Если все же потребность выразить идею выбора альтернативы окказионально возникает, то для этого можно прибегнуть к конъюнкции, точнее конкатенации. Уилли Петруска в конце концов сдался: на худой конец можно сказать «Чаю хочешь? Кофе хочешь?». Несмотря на то, что природные обстоятельства жизни в Амазонии намного более благоприятны и менее суровы, нежели в приполярной Аляске, вполне возможно, что одновременное рассмотрение альтернатив и выбор между ними в обществе пираха так же нетипичны, как и у верхнекускоквимцев. Несомненно, есть потребность в кросс-языковом исследовании, которое показало бы, насколько часто языки не предполагают конвенциональными средствами выражения дизъюнкции.

Интересные находки

Отсутствие числительных и неумение считать

Как пишет Эверетт, «у индейцев пираха нет слов для обозначения числа и нет никакого счета» (Эверетт, 2016, с. 130; ср. также Иванов, 2005). Действительно, язык пираха по-видимому является экстремальным в этом отношении. В работе Б. Комри (Comrie, 2013) пираха отнесен к числу языков с «ограниченными» системами числительных, не выходящих за пределы числа 'двадцать'. Таких языков оказалось 20 из 196, включенных в выборку Комри. Среди этих языков пираха (опять же со ссылкой на данные Эверетта) оказался самым бедным языком. Как отмечается в другой работе Комри (Comrie, n.d.), «носители языков с ограниченными системами, таких как австралийские языки, традиционно не занимались счетом. Количество сущностей оценивалось при помощи „субитации“, то есть немедленного опознания числа, что возможно примерно до пяти штук».

Согласно Комри (Comrie, 2013), ограниченные системы представлены главным образом в Амазонии и в Австралии. Но не только. В верхнекускоквимском языке большинство носителей не знает и не употребляет числительных за пределами четырех (или даже трех). Интересно, однако, что верхнекускоквимцам традиционно было необходимо вести достаточно сложные подсчеты. Примерно до середины XX века представители этого небольшого народа были практически одноязычными и вряд ли знали английские числительные. Тем не менее это не мешало таежным охотникам-верхнекускоквимцам считать шкурки пушных животных (десятками и сотнями), выручаемые за них доллары, имеющиеся патроны и т. д.; эти умения были критически важны для их выживания. Боюсь, что науке неизвестно, как они это делали³. Возможно, они обладали

³ В книге С. Юнга (Young, 1915, p. 81) приводится описание того, как проводилась первая перепись индейцев в юго-восточной Аляске: главы семейств сдавали семена фасоли, соответственно числу домочадцев: коричневые обозначали мужчин, белые — женщин, мелкие — детей. Очевидно, индейцы, которым переписчики поручили эту операцию, могли поштучно соотносить каждую фасолину с конкретным человеком — и тем самым получать суммарное число.

способностью субитации, кардинально превышающей небольшие числа вроде пяти. Но в любом случае необходимо признать, что люди в состоянии реализовывать числовую когницию без использования числительных как вербальных средств. (Отмечу, что противоположная точка зрения высказывается в статье Калеба Эверетта (Everett C., 2013)).

В этом контексте действительно удивительно, что пираха, по данным Эверетта, не в состоянии понять идею счета. Несмотря на усиленные уроки, которые Эверетт и его жена проводили среди индейцев, «никто не научился складывать три плюс один или даже один плюс один» (Эверетт, 2016, с. 131). Я хотел бы подчеркнуть, что этот факт не связан напрямую с отсутствием числительных и указывает на некоторую специфическую когнитивную особенность индейцев пираха. Таким образом, отсутствие (или слабая выраженность, ср. обсуждение в Иванов, 2005) даже самых низких числительных в пираха не столь уж уникально, а вот неспособность индейцев пираха понять идею счета представляется по-настоящему необычной. Впрочем, на с. 235 Эверетт пишет: «Если в языке пираха нет числительных, это отнюдь не значит, что его носители не умеют считать (например, по пальцам рук и ног)». Я точно не знаю, как согласовать это утверждение с ранее процитированным о том, что «у индейцев пираха <...> нет никакого счета» (с. 130).

Чувство превосходства

Наука о языке, как она сложилась в течение XX века, исходила из некоего идеального представления о человеческих языках, согласно которому язык «принадлежит» гомогенному сообществу носителей и имеет четкие границы. В настоящее время становится все более очевидно, что эта идеализация слишком далека от реальности. Среди людей широко распространено дву- и многоязычие, при котором языки, одновременно населяющие мозг носителя, взаимодействуют между собой. Даже те лингвисты, которые рассматривают языки как структурные сущности, все больше интересуются языковыми контактами. Тема языковых контактов постепенно выходит на первый план в современной лингвистике. Лексические и грамматические заимствования, переключение и смешение кодов, нечеткость границ языка — все это не периферия, а самый центр реалистической теории языка.

Интересным образом, пираха как раз представляет собой довольно редкий случай языка, близкий к идеальному, лабораторному представлению классической лингвистики. Дело в том, что этот язык распространен в небольшом сообществе, довольно однородном, практически одноязычном и закрытом для внешних контактных влияний. Объяснение этому факту, предлагаемое Эвереттом, весьма любопытно:

«Изоляция пираха вызвана ощущением собственного превосходства и презрением к прочим культурам. Они не считают себя ниже других оттого, что у них нет чего-либо, имеющегося в других языках и культурах, наоборот, они считают собственный образ жизни лучшим из возможных. Они совершенно не желают перенимать чужие

ценности, поэтому культурные и языковые заимствования почти не просачиваются в пираха» (Эверетт, 2016, с. 263).

Эту культурную особенность племени пираха можно назвать чувством превосходства, а можно высокой степенью ксенофобии (снимая отрицательные коннотации этого слова). Ксенофобия — это не бинарный, а континуальный параметр, та или иная степень ксенофобии, вероятно, имеется у любой этнической группы, и это предпосылка сохранения этноса. Я полагаю, что степень ксенофобии является социолингвистическим параметром, влияющим на различные языковые характеристики. В первую очередь — на склонность к заимствованиям. Так, например, атабаскские народы (и их языки) характеризуются минимальной склонностью к лексическим и грамматическим заимствованиям, и это коррелирует с высокой степенью ксенофобии как культурной характеристикой атабасков. Например, навахо, ставшие самым крупным и наименее угрожаемым народом/языком Северной Америки (включая в это понятие США и Канаду), не имеют в своем языке почти никаких заимствований из других индейских языков, хотя неизбежно должны были контактировать со множеством племен, говорящих на языках разных семей.

Очевидно, для пираха также характерно отсутствие заимствований, а также отсутствие двуязычия, несмотря на контакты с другими народами и языками. Особенно удивительно то, что пираха практически не знают португальского языка, хотя контакты с носителями этого доминирующего языка длятся много столетий. Несомненно, высокая степень ксенофобии способствовала выживанию этого очень небольшого этноса в контексте не всегда благоприятных внешних условий.

Теория относительности

Подобно ряду других языков, в том числе северно-атабаскских, пространственная ориентация в пираха ориентирована на течение реки — источника жизни племени. В этом языке говорят «поверни вверх по реке» и даже «рука находится вверх по реке» (а не «поверни направо» или «правая рука») (Эверетт, 2016, с. 232–233). Эверетт делает вывод, что «язык заставляет пираха осмыслять мир иначе, чем мы» (там же, с. 235). В данном случае можно было бы поспорить, где здесь курица, а где яйцо (ср. статью М. А. Кронгауза в данном выпуске), однако сейчас для меня важнее другой поворот мысли Эверетта.

Обсуждая гипотезу языковой относительности Сепира-Уорфа, Эверетт пишет:

«Уорф даже утверждал, что западная наука в целом является следствием грамматических ограничений в европейских языках. Может ли быть так, что априорные категории морали в философии Канта на самом деле артефакт, вызванный дистрибуцией существительных и глаголов в немецком языке? Может ли оказаться, что теория относительности Эйнштейна — тоже?» (с. 236).

Я полагаю, что в принципе так может быть, и идея Эверетта о том, что сама теория относительности яв-

ляется относительной, интересна. Однако может быть и так, что в экзотических языках обнаруживаются предпосылки для теоретических идей, независимо сформулированных учеными вопреки свойствам их собственных языков. Покажу это на примере моего собственного исследования, посвященного концептуализации движения в атабаскских языках.

Так, в верхнекускоквимском языке глаголы инициированного агенсом движения являются каузативами от глаголов самопроизвольного движения (например, 'бросать' буквально значит 'заставлять двигаться'). Это совершенно обычное явление, встречающееся во многих языках мира. Необычно другое. Можно было бы ожидать, что глаголы транспортировки, например 'нести', тоже окажутся каузативами от глаголов самопроизвольного движения: ведь когда агенс несет весло или камень, он заставляет его переместиться из точки А в точку Б. Однако в верхнекускоквимском языке глаголы транспортировки родственны не глаголам самопроизвольного движения, а глаголам пребывания в покое, означающим 'лежать, находиться'. Это связано с разной *системой отсчета*, используемой в глаголах инициированного агенсом движения и в глаголах транспортировки. В первом случае (глаголы типа 'бросать') пациенс имеет собственную внутреннюю систему отсчета, а во втором случае (глаголы типа 'нести') — нет. Во втором случае несомый объект (пациенс) находится в системе отсчета агенса. *X несет А* буквально значит 'А находится в состоянии покоя относительно системы отсчета движущегося X'. С древних времен, задолго до Галилея и Эйнштейна, атабаски знали: движение различно в зависимости от выбора системы отсчета. (См. подробнее Kibrik, 2017.)

Этот вывод может считаться уорфианским лишь в самом широком смысле слова. Фактически носители атабаскских языков были хорошо подготовлены для создания теории относительности, а носители европейских языков — нет. Теория относительности, тем не менее, была придумана именно Эйнштейном, хотя таких хороших предпосылок, как верхнекускоквимский, немецкий язык для этого не давал. С моей точки зрения, уорфианство в широком смысле — это правильное и интересное направление мысли, но пользоваться им надо аккуратно. Особенности языков лишь создают предпосылки для тех или иных научных идей, но не определяют их. Замечу, что от вульгаризации уорфианства предостерегает и сам Эверетт, говоря, что не следует «злоупотреблять идеями о том, что язык определяет мышление» (Эверетт, 2016, с. 235).

Заключение

Если обобщить то, что Д. Эверетт писал в разные годы о пираха, и абстрагироваться от деталей, то можно было бы сказать, как булгаковский Воланд: чего ни хватишься, ничего нет. В репрезентации Эверетта это гораздо более простая (или бедная) система, в которой отсутствуют многие явления, которые мы по умолчанию предполагаем в любом языке. По этому поводу можно высказать два комментария.

Во-первых, как было показано выше, несколько сенсационные сообщения об отсутствии того или иного явления (рекурсия, фатическое общение) представляются отчасти преувеличенными. С другой стороны, на некоторой предполагаемой (но никем пока не эксплицированной) шкале обобщенной языковой сложности пираха действительно предстает языком, близким к полюсу большей простоты. Но можно ли это качество приписать самому языку, как это обычно склонны делать генеративисты и, вслед за ними, часто и Эверетт? Скорее всего, эта относительная простота является результатом тех или иных социальных явлений. Вообще роль социолингвистических процессов пока сильно недооценена в теории языка. Возможно, в предыстории языка и народа пираха есть какие-то события типа языкового сдвига, которые могли привести к уменьшению языковой сложности (эта или сходная мысль была высказана А. В. Дыбо на круглом столе по книге Эверетта, который состоялся в Институте языкознания РАН 21 февраля 2017 года и материалы которого лежат в основе данного выпуска).

Во-вторых, некоторые явления простоты, приписываемые Эвереттом грамматике пираха, на самом деле являются обычными явлениями устной речи. Например, рекурсии в синтаксисе устной речи на любом языке гораздо меньше, чем в письменной. Нужно еще учитывать, что в языках с существенной письменной традицией синтаксические конструкции письменной речи могут в какой-то мере заимствоваться в устную речь. Более того, от этого не ограждены даже младописьменные или бесписьменные языки, поскольку их носители могут быть знакомы с синтаксисом какого-либо доминирующего языка с письменной традицией. В этом смысле индейцы пираха, с их высоким уровнем ксенофобии и одноязычием, представляют собой особенно чистый случай. Их устная речь совсем не подвержена влиянию каких-либо моделей письменного синтаксиса. Вероятно, именно поэтому в устном синтаксисе пираха рекурсии еще меньше, чем в других языках. Таким образом, Эверетт пытается опровергнуть генеративизм, во многом оставаясь в системе его презумпций. Это и есть «тирания чужого ума», обозначенная в заголовке данной статьи. Разобраться в наблюдаемых явлениях пираха было бы гораздо проще на основании литературы о различиях устной и письменной речи, таких как исследование У. Чейфа (Chafe, 1982). Как писал Владимир Высоцкий, «Если в жарком бою испытал, что почему, / Значит, нужные книги ты в детстве читал».

В завершение упомяну понятие «WEIRD societies», предложенное в статье Дж. Хенриха с коллегами (Henrich et al., 2010). WEIRD — остроумная аббревиатура списка характеристик ряда человеческих обществ: Western, Educated, Industrialized, Rich, Democratic. Как справедливо указывают авторы статьи, ориентация на представителей именно этих обществ привели к системному перекосу в психологических исследованиях. При том, что эти общества «относятся к числу наименее репрезентативных популяций, которые вообще можно найти, занимаясь обобщениями относительно человечества» (Henrich et al., 2010, p. 61). (В некотором смысле авторы этой работы солидаризируются с пираха, которые считают белых людей — как, впрочем, и всех не-пираха — «кривого-

ловыми») Идея о WEIRD-языках была поддержана и лингвистами: А. Маджид и С. Левинсон отметили, что «WEIRD-языки ввели в заблуждение и нас», поскольку лингвисты «перенесли допущения, основанные на английском или других хорошо знакомых языках, на прочие языки» (Majid, Levison, 2010, p. 103). В качестве вариации идеи WEIRD Э. Даль (Dahl, 2015) предложил понятие LOL-языков (Literate, Official, and with Lots of users), обсуждая вопрос о том, насколько языки этого типа преобладают в используемых лингвистами типологических выборках, претендующих на репрезентативность по отношению ко всей совокупности языков мира.

Это напрямую связано с темой данной статьи. Если нам удастся освободиться от европоцентризма и постоянного уклона в языки типа WEIRD/LOL, то многие явления пираха и прочих экзотических языков перестанут быть столь удивительными. А наоборот, окажутся совершенно естественными для большинства нормальных человеческих обществ, сформировавшихся вне письменной традиции, индустриализации и глобализации.

Литература

Бурлак С. А. Язык пираха и разговорная речь // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5. № 1. С. 22–26.

Дронов П. С. Так ли уж несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов? Послесловие // Д. Л. Эверетт. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016. С. 309–324.

Иванов В. В. Типология языков бассейна Амазонки. II. Числительные и счет // Вопросы языкознания. 2005. Т. 5. С. 3–10.

Кибрик А. А. Есть ли предложение в устной речи? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Под ред. А. В. Архипова, Л. М. Захарова, А. А. Кибрика, и др. М.: ЯСК, 2008. С. 104–115.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. Т. 2. С. 3–21.

Кронгауз М. А. Дэниел Эверетт и Бенджамин Уорф: лингвистические и нелингвистические параллели // Российский журнал когнитивной науки. Т. 5. № 1. С. 14–21.

Мазурова Ю. В. Полевые исследования в Индии: химачальские диалекты пахари // Доклад на открытом заседании Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, 27 декабря 2016. 2016.

Никулин А. В. Насколько необычен язык пираха? // Д. Л. Эверетт. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016. С. 325–340.

Сиротинина О. Б., Столярова Э. А., Кузнецова Н. И., Кормилицына М. А., Богданова В. А., Ножкина Э. М. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. М.: УРСС, 2003.

Эверетт Д. Л. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016.

Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. С. Секериной. М.: Издательство МГУ, 1997.

Ярхо В. Н. Прометей // Большая советская энциклопедия (БСЭ). 3-е изд. Советская энциклопедия, 1969/1978. С. 76.

Chafe W. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy / D. Tannen (Ed.). Norwood: Ablex, 1982. P. 35–54.

Chafe W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Comrie B. Numeral bases // The world atlas of language structures online / M. S. Dryer, M. Haspelmath (Eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/131>.

Comrie B. Typology of numeral systems. N.d. URL: https://mpi-lingweb.shh.mpg.de/numeral/TypNumCuhk_11ho.pdf (May 07, 2017).

Dahl Ö. How WEIRD are WALS languages? // Paper presented at the conference: Diversity linguistics: Retrospect and prospect. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 1–3 May 2015. Leipzig, Germany: 2015. URL: http://www.eva.mpg.de/fileadmin/content_files/linguistics/conferences/2015-diversity-linguistics/Dahl_slides.pdf.

Daley K. A. Vietnamese classifiers in narrative texts. Arlington: University of Texas, 1998.

Everett C. Independent cross-cultural data reveal linguistic effects on basic numerical cognition // Language and Cognition. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 99–104. doi:10.1515/langcog-2013-0005

Everett D. L. Don't sleep, there are snakes. Life and language in the Amazonian jungle. New York: Pantheon Books, 2010.

Hale K. Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // Natural Language and Linguistic Theory. 1983. Vol. 1. No. 1. P. 5–47. doi:10.1007/bf00210374

Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A. The weirdest people in the world? // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33. No. 2–3. P. 61–83. doi:10.1017/s0140525x0999152x

Hockett C. F. A course in modern linguistics. New York: Macmillan, 1958.

Jefferson T. To Dr. Benjamin Rush. Monticello, September 23, 1800 // Jefferson, Thomas. The best letters of Thomas Jefferson / J. G. de Roulhac Hamilton (Ed.). Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1926. P. 111–112.

Jonsson N. Kin terms in grammar // Language typology and language universals. An International handbook / M. Haspelmath, E. Koeig, W. Raible, W. Oesterreicher (Eds.). Berlin: de Gruyter, 2001. P. 1203–1214.

Jung D., Himmelmann N. P. Retelling data: Working on transcription // Documenting endangered languages: Achievements and perspectives / G. L. J. Haig, N. Nau, S. Schnell, C. Wegener (Eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 201–220.

Kibrik A. A. Coordination in Upper Kuskokwim Athabaskan // Coordinating constructions / M. Haspelmath (Ed.). Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 537–553. doi:10.1075/tsl.58.26kib

Kibrik A. A. Conceptualization of movement in Upper Kuskokwim Athabaskan // Each venture a new beginning: Studies in honor of Laura A. Janda / A. Makarova, S. Dickey, D. Divjak (Eds.). Slavica Bloomington, 2017. P. 127–138.

Majid A., Levinson S. C. WEIRD languages have misled us, too // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33. No. 2–3. P. 103. doi:10.1017/s0140525x1000018x

Mann W., Thompson S. A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization // Text — Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. Vol. 8. No. 3. P. 243–281. doi:10.1515/text.1.1988.8.3.243

Trask R. L. A dictionary of grammatical terms in linguistics. London: Routledge, 1993.

Young S. H. Alaska days with John Muir. New York: Fleming H. Revell Company, 1915.

Zimmermann E. Free choice disjunction and epistemic possibility // Natural Language Semantics. 2000. Vol. 8. P. 255–290.

discussion

Tyranny of Another Mind

Andrej A. Kibrik

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia;
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. Daniel Everett's book recounts his complicated intellectual evolution, including his rejection of the generative approach towards language. Still, Everett's conceptual system involves a number of elements going back to his generative upbringing, which informs many of his claims regarding the uniqueness of Pirahã. Among his controversial claims, partly derived from Everett's background in generative linguistics, are the principle of immediate experience; the lack of recursion, phatic communication, and disjunction; and the polysemy of kin terms. Everett's book contains a number of interesting observations that indeed portray Pirahã as a rather unusual language and culture. These include observations on the Pirahã people's inability to count, their feeling of cultural superiority, and relativity. In general, Everett's work contributes to the grappling with Eurocentrism that is still characteristic of many schools in linguistics.

Correspondence: Andrej A. Kibrik, aakibrik@gmail.com, Institute of Linguistics RAS, 1 B. Kislovskij per., 125009 Moscow, Russia

Keywords: history of ideas, theory of language, linguistic diversity, recursion, spoken language, numerical cognition

Copyright © 2018. Andrej A. Kibrik. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Acknowledgements. Studies underlying this paper were conducted with the support of RFBR Grant #17-06-00460. The author is grateful to Mira B. Bergelson and Olga V. Fedorova for useful discussions about this paper.

Received May 7, 2017, accepted February 28, 2018.

References

- Burlak, S. (2018). Pirahã and spoken language. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5(1), 22–26.
- Chafe, W. (1982). Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature. In D. Tannen (Ed.), *Spoken and written language: Exploring orality and literacy* (pp. 35–54). Norwood: Ablex.
- Chafe, W. (1994). *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: University of Chicago Press.
- Comrie, B. (2013). Numeral bases. In M. S. Dryer, & M. Haspelmath (Eds.), *The world atlas of language structures online* Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Retrieved May 07, 2017 from <http://wals.info/chapter/131>.
- Comrie, B. (n.d.). Typology of numeral systems. Retrieved May 07, 2017 from https://mpi-lingweb.shh.mpg.de/numeral/TypNumCuhk_11ho.pdf.
- Dahl, Ö. (2015). *How WEIRD are WALS languages?* Paper presented at Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect conference, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 1–3 May 2015, Leipzig, Germany. Retrieved May 07, 2017 from http://www.eva.mpg.de/fileadmin/content_files/linguistics/conferences/2015-diversity-linguistics/Dahl_slides.pdf.
- Daley, K.A. (1998). *Vietnamese classifiers in narrative texts*. Arlington: University of Texas.
- Dronov, P.S. (2016). Tak li uz neso vmesimy tochki zreniya D. Everetta i generativistov? [Are Everett's and generativist perspectives so inconsistent? An afterword]. In Everett, D. *Ne spi — krugom zmei. Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei [Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian Jungle]* (P.S. Dronov, I.V. Mokin, E.N. Panov, Trans. into Russian) (pp. 309–324). Moscow: LRC Publishers. (In Russian).
- Everett, C. (2013). Independent cross-cultural data reveal linguistic effects on basic numerical cognition. *Language and Cognition*, 5(1), 99–104. doi:10.1515/langcog-2013-0005
- Everett, D.L. (2010). *Don't sleep, there are snakes. Life and language in the Amazonian jungle*. New York: Pantheon Books.
- Hale, K. (1983). Warlpiri and the grammar of non-configurational languages. *Natural Language and Linguistic Theory*, 1(1), 5–47. doi:10.1007/bf00210374
- Henrich, J., Heine, S.J., & Norenzayan, A. (2010). The weirdest people in the world? *Behavioral and Brain Sciences*, 33(2–3), 61–83. doi:10.1017/s0140525x0999152x
- Hockett, C.F. (1958). *A course in modern linguistics*. New York: Macmillan.
- Ivanov, V.V. (2005). Tipologiya yazykov basseina Amazonki. II. Chislitel'nye i schet [Typology of Amazonian languages. II. Numerals and counting]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 5, 3–10. (In Russian).
- Jefferson, T. (1926). To Dr. Benjamin Rush. Monticello, September 23, 1800. In J.G. de Roullac Hamilton (Ed.), Jefferson, Thomas. *The best letters of Thomas Jefferson* (pp. 111–112). Boston and New York: Houghton Mifflin Company.
- Jonsson, N. (2001). Kin terms in grammar. In M. Haspelmath, E. Koeig, W. Raible, & W. Oesterreicher (Eds.), *Language typology and language universals. An International handbook, Vol. 2*. (pp. 1203–1214). Berlin: de Gruyter.

- Jung, D., & Himmelmann, N.P. (2011). Retelling data: Working on transcription. In G.L.J. Haig, N. Nau, S. Schnell, & C. Wegener (Eds.), *Documenting endangered languages: Achievements and perspectives* (pp.201 – 220). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kibrik, A.A. (2008). Est' li predlozhenie v ustnoi rechi? [Are there sentences in the spoken language?] In A.V. Arkhipov, L.M. Zakharov, A.A. Kibrik, & et al. (Eds.), *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova [Phonetics and non-phonetics. Paper collection in honor to Sandro V. Kodzasov's 70-th anniversary]* (pp.104 – 115). Moscow: LRC Publishers. (In Russian).
- Kibrik, A.A. (2004). Coordination in Upper Kuskokwim Athabaskan. In M. Haspelmath (Ed.), *Coordinating constructions* (pp.537 – 553). Amsterdam: Benjamins. doi:10.1075/tsl.58.26kib
- Kibrik, A.A. (2017). Conceptualization of movement in Upper Kuskokwim Athabaskan. In A. Makarova, S. Dickey, & D. Divjak (Eds.), *Each venture a new beginning: Studies in honor of Laura A. Janda* (pp.127 – 138). Slavica Bloomington.
- Kibrik, A.A. (2009). Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameteres in classification of discourse]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 2, 3 – 21. (In Russian).
- Kibrik, A.A., Kobozeva, I.M., & Sekerina, I.S. (Eds.). (1997). *Fundamental'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoi lingvistiki. Sbornik obzorov [Fundamental directions of modern American linguistics. A collection of reviews]*. Moscow: MSU Publishing. (In Russian).
- Krongauz, M. (2018). Daniel Everett and Benjamin Whorf: Linguistic and Non-linguistic Parallels. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5(1), 14–21.
- Majid, A., & Levinson, S.C. (2010). WEIRD languages have misled us, too. *Behavioral and Brain Sciences*, 33(2–3), 103. doi:10.1017/s0140525x1000018x
- Mann, W., & Thompson, S.A. (1988). Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization. *Text — Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 8(3), 243 – 281. doi:10.1515/text.1.1988.8.3.243
- Mazurova, Y.V. (2016). *Polevye issledovaniya v Indii: khimachal'skie dialekty Pakhari [Field work in India: Himachal dialects of Pakhari]*. Paper presented at the open seminar of the Typology and Areal linguistics Department of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, December 27, 2016. (In Russian).
- Nikulin, A.V. (2016). Naskolko neobychny yazyk pirakha? Poslelovie [How exceptional is piraha language? An afterword]. In D.L. Everett. *Ne spi — krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei [Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian Jungle]* (P.S. Dronov, I.V. Mokin, E.N. Panov, Trans. into Russian) (pp.325 – 340). Moscow: LRC Publishers. (In Russian).
- Sirotnina, O.B., Stolyarova, E.A., Kuznetsova, N.I., Kormilitsyna, M.A., Bogdanova, V.A., & Nozhkina, E.M. (2003). *Razgovornaya rech' v sisteme funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Spoken language in the system of functional styles of Modern Russian Standard Language]*. Moscow: URSS. (In Russian).
- Trask, R.L. (1993). *A dictionary of grammatical terms in linguistics*. London: Routledge.
- Yarkho, V.N. (1969/1978). Prometei [Prometheus]. In *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [Big Soviet Encyclopedia. 3rd Edition]*, Vol. 21. (pp.76). Soviet Encyclopedia.
- Young, S.H. (1915). *Alaska days with John Muir*. New York: Fleming H. Revell Company.
- Zimmermann, E. (2000). Free choice disjunction and epistemic possibility. *Natural Language Semantics*, 8, 255 – 290.